

Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
24 May 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2841/2016*, **, ***

<i>Сообщение представлено:</i>	Луисом Инасиу Лулой да Силва (представлен адвокатами Валеской Тейшейра, Занином Мартинсом, Кристиано Занином Мартинсом и Джеффри Робертсоном)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Бразилия
<i>Дата сообщения:</i>	28 июля 2016 года
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с пунктами 6)–7) правила 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 24 октября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	17 марта 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	справедливое судебное разбирательство; лишение свободы без вынесения окончательного судебного решения; и запрет на выдвижение своей кандидатуры на выборах
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; соблюдение временных мер

* Приняты Комитетом на его 134-й сессии (28 февраля — 25 марта 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махдзуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В.Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Сох, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

*** Особое (согласное) мнение члена Комитета Данкана Лаки Мухумузы и совместное мнение членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша и Кобойи Чамджи Кпачи (несогласное) приводятся в приложении к настоящему документу.

<i>Вопросы существа:</i>	произвольный арест и задержание; компетентный, независимый и беспристрастный суд; презумпция невиновности; конфиденциальность; незаконные посягательства на честь или репутацию; голосование и выборы
<i>Статьи Пакта:</i>	9 (пункт 1), 14 (пункты 1–2), 17 и 25
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	1 и 5 (пункт 2 b))

1. Первоначальные материалы настоящих Соображений, включая первоначальное изложение фактов и жалобы автора и первоначальные замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения, можно найти в документе [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#).

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

Исчерпание внутренних средств правовой защиты

2.1 В своих комментариях относительно приемлемости и существа сообщения от 21 февраля 2019 года автор утверждает, что государство-участник не представило никаких доказательств того, что упомянутые им надуманные средства правовой защиты являются эффективными и доступными в разумные сроки. Например, рассмотрение последней апелляции автора на вынесенный ему приговор в Верховном федеральном суде, которую государство-участник выдает за средство правовой защиты, на момент подачи комментариев было отложено на год. Автор утверждает, что судебная система государства-участника институционально предвзята по отношению к нему, о чем свидетельствуют пресс-релизы Ассоциации федеральных судей Бразилии. Он подчеркивает, что в единственном случае, когда судья вынес решение по существу в его пользу, этот судья был отстранен от должности и в настоящее время по нему проводится расследование.

2.2 Автор утверждает, что, как предполагает государство-участник, нарушения его прав могут быть устранены путем обжалования его приговора, неправильно понимая характер его жалобы в Комитет, которая касается событий, имевших место до его судебного процесса и до подачи сообщения в Комитет. Причиненный ему ущерб не может быть возмещен никаким обжалованием приговора. Он объясняет, что ни одна из его жалоб, кроме жалобы на предвзятость судьи тринадцатого федерального уголовного суда Куриобы Сержиу Мору, не могла фигурировать в апелляции на его приговор, поскольку не имела отношения к фактам его дела. Кроме того, его ходатайство с жалобой на предвзятость уже было рассмотрено не в его пользу, и любые апелляции на обвинительные приговоры не компенсировали бы ему то, что он потерял, пройдя через испытание длительным судебным процессом перед предвзятым судьей, завершившимся признанием его виновным и тюремным заключением.

2.3 Автор утверждает, что в своей правовой практике, на которую ссылается государство-участник, Комитет и Европейский суд по правам человека признают, что допускается исчерпание внутренних средств правовой защиты после даты подачи жалобы, но до принятия решения о ее приемлемости. Однако он подтверждает, что на момент подачи жалобы он исчерпал внутренние средства правовой защиты, как это было указано в его первоначальной жалобе. Он также утверждает, что вопрос о том, являются ли средства правовой защиты неоправданно затянутыми, лучше всего оценивать при рассмотрении приемлемости сообщения.

Судебный ордер от 2 марта 2016 года

2.4 Автор утверждает, что он никогда не отказывался сотрудничать с судебными органами в такой степени, чтобы это могло привести к применению статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса. Он объясняет, что предписание о доставке

задержанного в суд в Сан-Паулу для дачи показаний касалось другого расследования и что легитимные процессуальные действия в суде в отношении сроков дачи показаний не могут быть истолкованы как отказ от их дачи.

2.5 Автор утверждает, что появление СМИ в 6 часов утра у его дома можно объяснить только утечкой информации со стороны государственных органов. Он считает, что утверждения государства-участника о том, что секретность судебного ордера была необходима для предотвращения беспорядков, были неискренними, так как цель ордера была иной. Тот факт, что автор предполагал «собрать несколько конгрессменов, чтобы удивить их», не говорит о том, что их должно было быть много или что они устроили бы подрывную демонстрацию. Он утверждает, что просто рассматривал их как потенциальных свидетелей. Автор добавляет, что тот факт, что судья Мору распорядился не использовать наручники, было сделано не из человеколюбия, а в силу обязательного правила Верховного федерального суда.

Придание огласке содержания различных перехваченных телефонных разговоров

2.6 Автор утверждает, что замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета, на которое ссылается государство-участник, конкретно касается необходимости публиковать мотивы судебных решений в тех случаях, когда требуется обеспечить определенную секретность судебного разбирательства. Он добавляет, что это никоим образом не оправдывает придание огласке участвующим в следственных действиях судьей содержания частных разговоров, перехваченных в результате прослушивания телефонов, до предъявления обвинения. Автор добавляет, что оперативное придание огласке таких перехваченных разговоров с целью демонизации подозреваемого до предъявления ему обвинения характерно для недемократического и авторитарного государства.

Прослушивание телефонов адвокатов автора и придание огласке содержания перехваченных разговоров

2.7 Что касается прослушивания телефонов юридической фирмы, автор утверждает, что судья Мору был дважды уведомлен телефонной компанией о том, что телефонный номер, о котором идет речь, действительно имеет отношение к юридической фирме. Он добавляет, что судья Мору просто заявил, что это осталось не замечено судом из-за огромного объема работы, что автор считает неприемлемым оправданием, учитывая крайнюю серьезность обстоятельств¹. Кроме того, автор поясняет, что, хотя государство-участник утверждает, что эти телефонные разговоры никогда не использовались в ходе расследования, суд имел в своем распоряжении многочисленные стенограммы звонков, сделанных из юридической фирмы, включая телефонные разговоры, в которых обсуждалась стратегия защиты автора, с оставленными на полях пометками, свидетельствующими о том, что они определенно были проанализированы федеральной полицией². Тот факт, что впоследствии они были уничтожены, не исключает возможности того, что стратегия защиты автора тщательно отслеживалась судебными органами.

2.8 Что касается мобильного телефона адвоката автора Роберту Тейшейры, то автор утверждает, что в момент прослушивания телефонных разговоров в отношении г-на Тейшейры даже не проводилось официальное расследование. Хотя одно из ходатайств, оспаривающее ордер на обыск, было подано не г-ном Тейшейрой, он подписал все остальные поданные ходатайства, и было хорошо известно, что он является адвокатом автора.

¹ Основные принципы, касающиеся роли юристов, принципы 16–22.

² Автор представил данные под присягой показания адвоката, который ознакомился в суде с материалами, полученными в результате прослушивания телефонных разговоров.

Отсутствие беспристрастного суда

2.9 Автор утверждает, что государство-участник не признало недостаток во внутреннем законодательстве. Недостаток заключается в том, что судье, который на стадии следствия определяет, что подозреваемый, вероятно или скорее всего, будет признан виновным³, разрешается впоследствии взять на себя роль судьи в ходе судебного процесса. У судьи неизбежно сохраняются взгляды, сформировавшиеся при принятии решений на этапе следствия, что заставляет его действовать предвзято во время судебного процесса. Он объясняет, что, согласно внутреннему законодательству, для выдачи постановлений как о прослушивании телефонных разговоров, так о проведении обыска и изъятии улик судья должен обладать высокой степенью информированности. Он добавляет, что важно не то, разрешено ли это законом, а то, соответствует ли закон или конкретные факты дела Пакту.

2.10 Автор утверждает, что, несмотря на заявления государства-участника, настаивающего на том, что роль судьи по уголовным делам в ходе предварительного следствия является пассивной, судья Мору не создавал впечатления человека, действующего пассивно. Автор утверждает, что судья Мору изображал себя и позволял СМИ изображать себя в качестве главного героя борьбы с коррупцией. Кроме того, вследствие активного продвижения судьей Мору теории «судьи-борца» создалась ситуация, когда оправдание автора в ходе судебного процесса под его председательством стало бы серьезным ударом по репутации и самолюбию судьи Мору. Автор добавляет, что в его жалобе не оспаривается право судьи читать лекции или посещать публичные мероприятия. Однако требование беспристрастности обязывает судей вести себя на публике таким образом, чтобы разумные представители общественности не воспринимали их как предвзятых⁴.

2.11 Автор указывает на два новых факта, которые демонстрируют, что судья Мору был предвзятым с того момента, как он был назначен на должность следственного судьи. 1 октября 2018 года, за шесть дней до первого тура президентских выборов, бывший судья опубликовал единственные показания, данные в рамках сделки со следствием в ходе операции «Автомойка», в которых автор обвинялся в совершении преступлений. Показания бывшего министра финансов Антониу Палоччи были фактически отклонены Федеральной прокуратурой, которая указала, что эти показания не содержат достаточно доказательств или хороших следственных зацепок. Однако после обнародования этого документа судья Мору значительно сократил срок тюремного заключения г-ну Палоччи и предоставил ему право на домашний арест. Автор утверждает, что конфиденциальные показания были приданы широкой огласке перед выборами. Автор также напоминает, что в декабре 2017 года судья Мору сообщил СМИ, что: «для меня было бы неуместно думать о какой-либо политической должности, поскольку это может, скажем так, вызвать вопросы к честности работы, которую я проделал до сегодняшнего дня. Поэтому я думаю, что это было бы неуместно»⁵. В ноябре 2018 года избранный на тот момент президент Жаир Мессиас Болсонару объявил, что назначит судью Мору министром юстиции в своей администрации, на что тот, несмотря ни на что, согласился.

2.12 Автор напоминает, что судья Мору, который не являлся апелляционным судьей, находился в отпуске в момент принятия 8 июля 2018 года апелляционным судьей Федерального регионального суда Рожериу Фавретом, которому было поручено рассмотрение дел в период судебных каникул, решения об освобождении автора из-под стражи, но тем не менее он отдал по телефону распоряжение об отмене этого решения⁶. Автор добавляет, что тот факт, что власти государства-участника преследуют в уголовном порядке судью Фаврету за осуществление его юрисдикции,

³ Например, отдавая распоряжения о проведении обысков и изъятии улик и прослушивании телефонных разговоров.

⁴ Замечание общего порядка № 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и праве каждого на справедливое судебное разбирательство, п. 21.

⁵ OPOVO online, “Há um ano, Moro disse que postular cargo político ‘não seria apropriado’”, 3 November 2018.

⁶ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), п. 2.14.

а не судью Мору, который вмешался, чтобы восстановить свою юрисдикцию, выглядит крайне необычно.

2.13 Автор также утверждает, что государство-участник пытается выдать предвзятость суда за простое осуществление свободы слова или ассоциации. Он утверждает, что при определенном подходе это может привести к предвзятому отношению к обвиняемому и, как следствие, к несправедливому судебному разбирательству. Хотя некоторые предвзятые высказывания, например высказывания судебных ассоциаций, не являются незаконными, они могут иметь последствия с точки зрения справедливости рассмотрения апелляции.

Риск бессрочного предварительного заключения

2.14 Автор утверждает, что, хотя судья Мору не являлся инициатором предварительного заключения автора, он распорядился отменить освобождение автора, о котором распорядился судья Фаврету. Автор поясняет, что на момент подачи сообщения его жалоба основывалась на возможности его задержания, которая существовала, пока он находился под юрисдикцией Тринадцатого федерального уголовного суда Куритибы, суда судьи Мору, который уже вынес решение о предварительном заключении под стражу 29 подозреваемых в операции «Автомойка». Он напоминает, что, согласно практике Комитета, он имеет право подать жалобу в качестве «жертвы», поскольку существовал реальный риск такого нарушения его прав⁷.

Презумпция невиновности

2.15 Автор утверждает, что государство-участник вновь ссылалось на свободу слова, чтобы оправдать предвзятые и «ядовитые» нападки на автора, объявляя его виновным до и во время судебного разбирательства. Он напоминает, что государство-участника отличает отсутствие закона о неуважении к суду, который запрещал бы высказывание предвзятых замечаний хотя бы до окончания судебного процесса. Автор добавляет, что 90-минутная пресс-конференция, проведенная участвовавшими в операции «Автомойка» сотрудниками прокуратуры, была организована не для информирования общественности, а являлась пропагандистским мероприятием, призванным убедить аудиторию в виновности автора. Он утверждает, что ни один из факторов, упомянутых судьей Мору в попытке оправдать пресс-конференцию⁸, не оправдывает публичную демонизацию автора прокурорами. Что касается прессы, автор утверждает, что его жалоба касалась не изложения фактов или новостей, а предвзятых комментариев, которые озвучивались прокурорами и порождали ожидание того, что он будет признан виновным. СМИ имеют право сообщать об обвинениях и доказательствах против автора, но они не имеют права сообщать о виновности подсудимого до его осуждения.

Право голосовать и быть избранным

2.16 Автор утверждает, что право быть избранным может быть разумно ограничено для тех лиц, обвинительный приговор которым вступил в законную силу, но такое ограничение будет неразумным, если приговор все еще подлежит обжалованию. Он напомнил, что это запрещено статьей 15 Конституции государства-участника, которая предусматривает возможность лишения политических прав только после вынесения окончательного обвинительного приговора.

Временные меры

2.17 Автор добавляет, что государство-участник не представило никаких объяснений того, почему его власти отказались выполнить просьбу Комитета о принятии временных мер.

⁷ См. *Киндлер против Канады* (CCPR/C/48/D/470/1991).

⁸ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), п. 4.24.

Дополнительные замечания государства-участника

3.1 14 марта 2019 года государство-участник представило дополнительные замечания. Оно повторило свои предыдущие замечания относительно приемлемости сообщения и по существу жалоб автора по статьям 9 (пункт 1), 17 и 25 Пакта.

Отсутствие беспристрастного суда

3.2 Государство-участник утверждает, что нельзя считать, что все судьи и прокуроры выполняют свои официальные обязанности под влиянием мнения своих профессиональных ассоциаций, пренебрегая принципом верховенства закона. Оно добавляет, что расследование поведения судьи Фаврету было начато на законных основаниях в связи с признаками использования судебской должности для продвижения частных интересов. В ответ на утверждение автора о том, что согласие судьи Мору на назначение на пост министра юстиции «позволяет сделать вывод о том, что он стремился занять политическую должность и воспользоваться своей ролью», чтобы обратиться к политическим группам, настроенным против автора, государство-участник заявляет, что предположение о существовании личных намерений просто не является судебным доказательством и не должно приниматься во внимание Комитетом.

3.3 Что касается сделки со следствием г-на Палоччи, государство-участник подтверждает, что поведение судьи Мору было в установленном порядке одобрено Федеральным региональным судом. Оно добавляет, что только часть материалов сделки со следствием, которая была непосредственно связана с процессуальной стороной, была приобщена к другому уголовному иску, в котором фигурировали и г-н Палоччи, и автор. После приобщения в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Закона № 12850/2013 действовало правило гласности процессуальных действий и содержание показаний, данных в рамках сделки со следствием, не могло держаться в тайне. Государство-участник добавляет, что адвокат автора просил приобщить все материалы сделок со следствием к уголовному делу и что решение о приобщении этой части не было политическим, а скорее было направлено на обеспечение эффективности сделок со следствием и доступа обвиняемых к полной информации.

Риск бессрочного предварительного заключения

3.4 Государство-участник повторяет, что автор никогда не подвергался досудебному заключению под стражу и что как Пакт, так и национальное законодательство допускают задержания, когда они необходимы и осуществляются на законных основаниях. Оно добавляет, что тюремное заключение автора действительно было осуществлено на законных основаниях и в соответствии с Пактом.

Презумпция невиновности

3.5 Государство-участник утверждает, что в свете его предыдущих замечаний между независимостью судебной власти, свободой слова и общим правом на информацию во внутренней правовой системе достигнут баланс в соответствии с международными стандартами. Оно добавляет, что дело было рассмотрено с учетом необходимой подотчетности перед обществом и ограничений, обусловленных принципами равенства, беспристрастности и высокими этическими стандартами деятельности судей и прокуроров.

Дополнительная информация, представленная автором

4.1 10 октября 2021 года автор представил дополнительную информацию, содержащую новые факты и дополнительные комментарии относительно приемлемости и существа дела.

Новые факты

4.2 7 ноября 2019 года Верховный федеральный суд постановил, что статья 283 Уголовно-процессуального кодекса государства-участника, устанавливающая, что обвиняемые не могут быть заключены в тюрьму до вынесения окончательного

приговора, является конституционной. Это решение позволило отложить исполнение вынесенного автору приговора, оставленного в силе апелляционной инстанцией, в то время как на рассмотрении находились другие чрезвычайные апелляции. На основании этого решения автор был освобожден 8 ноября 2019 года после 580 дней необоснованного заключения и лишения права голосовать и быть избранным.

4.3 8 марта 2021 года докладчик Верховного федерального суда удовлетворил одно из ходатайств автора о применении процедуры хабеас корпус, постановив, что решения тринадцатого федерального уголовного суда Куритибы, включая решения судьи Мору и Габриэлы Хардт, судьи того же суда, назначенной для временной замены судьи Мору, о признании автора виновным⁹, были вынесены в отсутствие надлежащей юрисдикции. По мнению суда, два обвинительных приговора автору и два других расследования, связанных с Институтом Лулы, не были напрямую связаны с операцией «Автомойка», а касались других органов государственной администрации. В связи с этим обвинительные приговоры в отношении автора были отменены¹⁰.

4.4 23 марта 2021 года вторая коллегия Верховного федерального суда удовлетворила второе ходатайство автора о применении процедуры хабеас корпус, признав, что судья Мору был необъективен¹¹. В своем заключении суд перечислил следующие семь фактов, все из которых, по мнению автора, подтверждают обоснованность его жалоб:

a) судебный ордер от 2 марта 2016 года был выдан судьей Мору преждевременно без предварительного вызова автора в суд, как того требует статья 260 Уголовно-процессуального кодекса, и привлек внимание к автору, ущемляя его достоинство и его право на презумпцию невиновности;

b) прослушивание телефонов автора, а также членов его семьи и его адвокатов (продолжавшееся в течение 30 дней и включавшее прослушивание всех разговоров между 25 членами юридической фирмы) с целью отслеживания и предвосхищение стратегии защиты представляло собой грубое нарушение его конституционного права на полноценную защиту;

c) придание огласке перехваченных разговоров с членами семьи и третьими лицами, полученных в результате прослушивания телефонов, было манипулятивно избирательным, особенно разговоров от 16 марта 2016 года между автором и тогдашним президентом Бразилии Дилмой Руссефф, которые были приданы огласке в период огромного напряжения в обществе государства-участника и которые Теори Альбину Заваски, судья Верховного федерального суда, объявил полученными незаконно, поскольку они были перехвачены после судебного решения о прекращении прослушивания телефонов;

d) действия, предпринятые даже в отсутствие юрисдикции по данному делу и во время нахождения в отпуске с целью воспрепятствовать исполнению постановления, принятого от имени Федерального регионального суда 6 июля 2018 года судьей Фаврету, который предписал освободить автора из тюрьмы и дать ему возможность участвовать в выборах; судья Мору дошел до того, что позвонил тогдашнему генеральному директору Федеральной полиции и сказал ему не выполнять приказ, действуя так, как если бы он был сотрудником Федеральной прокуратуры, с целью удержать подсудимого в тюрьме в рамках дел, в которых он уже принял участие в качестве судьи;

⁹ 6 февраля 2019 года судья Хардт приговорила автора к 12 годам и 11 месяцам тюремного заключения за коррупцию и отмывание денег в деле о собственности автора в Атибайе.

¹⁰ Решение докладчика было подтверждено 15 апреля 2021 года коллегией Верховного федерального суда, заседавшей в полном составе, 8 голосами против 3. 22 апреля 2021 года суд издал разъяснение, в котором определил, что разбирательство в отношении автора должно проводиться Федеральным судом федерального округа государства-участника.

¹¹ Решение второй коллегии Верховного федерального суда от 23 марта 2021 года было подтверждено 23 июня 2021 года коллегией Верховного федерального суда в полном составе 7 голосами против 4. 24 июня 2021 года вторая коллегия распространила это заключение на все другие расследования в отношении автора, в которых участвовал судья Мору.

е) четко сформулированное судьей Мору в решении по делу, касающемуся строительных компаний, которые якобы помогли автору купить квартиру на курорте, мнение о якобы оскорбительном поведении защиты автора, в том числе его утверждение, что защита действовала в агрессивной манере, нарушая процессуальные нормы поведения, стремясь оскорбить его;

ф) снятие конфиденциальности со сделки, заключенной со следствием г-ном Палоччи, и передача ее содержания лицам, ведущим расследование в отношении Института Лулы, что было сделано, когда стадия сбора доказательств в рамках этих расследований уже завершилась, что означало, что содержание сделки со следствием не могло служить основанием для вынесения будущего приговора; кроме того, это было сделано через три месяца после вынесения судебного решения, утвердившего сделку со следствием, что совпало с кануном выборов и было сделано по личной инициативе судьи Мору, т. е. без запроса со стороны органа прокуратуры¹²;

г) согласие занять должность министра юстиции в нынешней администрации, т. е. в администрации главного политического противника автора, которому судья Мору помог избраться; таким образом, судья Мору получил прямую выгоду от вынесения обвинительного приговора автору и лишения его свободы.

Приемлемость

4.5 Автор объясняет, что решение Верховного федерального суда не может рассматриваться как эффективная компенсация за нанесенный ему пятью годами ранее ущерб. Средство правовой защиты эффективно только в случае его своевременности и способности обеспечить возмещение ущерба. Вред, причиненный автору, был таков, что требовал скорейшего исправления, безусловно, до президентских выборов 2018 года. Средство правовой защиты, в том виде в каком оно было предоставлено, стало слишком запоздалым для того, чтобы считаться эффективным. Кроме того, хотя в решении затрагивались первые три жалобы, главное внимание было уделено жалобе автора о нарушении его права на беспристрастный суд. Оно не предусматривало никакой компенсации или какой-либо формы реституции, кроме ретроактивной реабилитации. Кроме того, решение было принято не по ходатайству, которое было или могло быть подано в 2016 году. Суд принял решение только 25 июня 2019 года, через несколько недель после обнародования стенограмм, которые показали тесную связь судьи Мору со стороной обвинения. Это был новый факт, который не был связан с материалами, переданными суду в 2016 году. Только в декабре 2019 года суд принял решение открыть доступ адвокатам автора к федеральным досье, в которых содержались неоспоримые доказательства предвзятости. Средство правовой защиты, в том виде в каком оно было предоставлено, стало слишком запоздалым для того, чтобы считаться эффективным. Поэтому он просит Комитет рассмотреть сообщение по существу.

Дополнительные замечания государства-участника

5.1 15 ноября 2021 года государство-участник представило дополнительные замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Государство-участник заявляет, что Верховный федеральный суд согласился с утверждениями автора в своих решениях, принятых в 2021 году, и что все решения, вынесенные по уголовным делам, были отменены. Оно утверждает, что факты доказывают, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, когда он подал свое сообщение в Комитет, и что меры, запрошенные в его сообщении, более не являются необходимыми и утратили актуальность, поскольку судебные органы государства-участника согласились с жалобами автора.

¹² Незаконность как снятия конфиденциальности со сделки со следствием, так и передачи ее содержания лицам, ответственным за расследование деятельности Института Лулы, была установлена второй коллегией Верховного федерального суда 10 сентября 2020 года.

5.2 Что касается конкретно тюремного заключения автора, то государство-участник поясняет, что предварительное исполнение его приговора после того, как он был оставлен в силе Федеральным региональным судом, являлось мерой, принятой в соответствии с практикой Верховного федерального суда. В феврале 2016 года в деле, не связанном с автором, Верховный федеральный суд постановил, что презумпция невиновности не препятствует тюремному заключению на основании решения, подтвержденного в апелляционной инстанции. Государство-участник поясняет, что фактически такова была консолидированная практика суда до 2009 года. Государство-участник утверждает, что изменения в юридической практике суда и тот факт, что автор был освобожден, как только она изменилась, являются наглядной демонстрацией независимости его судебной системы.

5.3 Что касается конкретно политических прав автора, то государство-участник утверждает, что любые наложенные ограничения оставались в силе только в период действия обвинительного приговора. Учитывая, что этот приговор был отменен Верховным федеральным судом, никаких ограничений политических прав автора больше не существует.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Невыполнение государством-участником просьбы Комитета о принятии временных мер.

6.1 Комитет отмечает, что принятие временных мер в соответствии с правилом 94 его правил процедуры согласно статье 1 Факультативного протокола имеет жизненно важное значение для выполнения роли, возложенной на Комитет на основании этой статьи¹³. Невыполнение временных мер, запрошенных Комитетом с целью предотвращения причинения непоправимого вреда, подрывает защиту прав, закрепленных в Пакте.

6.2 Комитет по правам человека напоминает, что непринятие таких мер несовместимо с обязательством добросовестно уважать процедуру рассмотрения индивидуальных сообщений, установленную в соответствии с Факультативным протоколом¹⁴, и, таким образом, является нарушением статьи 1 Факультативного протокола¹⁵.

6.3 Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что государство-участник никогда не выполняло просьбы Комитета о принятии временных мер¹⁶. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Высший избирательный суд должным образом и добросовестно принял во внимание рекомендацию Комитета о принятии временных мер¹⁷. Комитет считает, что государство-участник не смогло продемонстрировать, каким образом просьба о принятии временных мер была удовлетворена в сроки, запрошенные Комитетом, учитывая, что автору не разрешили проводить предвыборную кампанию и не допустили к участию в президентских выборах в 2018 году¹⁸. Поэтому Комитет считает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола.

¹³ *Валетов против Казахстана* (CCPR/C/110/D/2104/2011), п. 12.3; *Ахани против Канады* (CCPR/C/80/D/1051/2002), п. 8.2; *Саидова против Таджикистана* (CCPR/C/81/D/964/2001), п. 4.4; и *Пиандионг и др. против Филиппин* (CCPR/C/70/D/869/1999), п. 5.4.

¹⁴ Замечание общего порядка Комитета № 33 (2008) об обязательствах государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, п. 19.

¹⁵ *Валетов против Казахстана*, п. 15.

¹⁶ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), п. 3.20.

¹⁷ Там же, п. 4.30.

¹⁸ Там же, п. 1.4.

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какую-либо жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры определить, является ли она приемлемой согласно Факультативному протоколу.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, когда он подал свое сообщение в Комитет, и что меры, запрошенные в его сообщении, более не являются необходимыми и утратили актуальность, учитывая, что судебные органы государства-участника согласились с жалобами автора (см. пункт 5.1 выше).

7.4 Что касается сроков исчерпания внутренних средств правовой защиты, Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что их определение должно проводиться с учетом даты подачи сообщения, за редкими исключениями, когда последний этап достигается вскоре после подачи, но до определения приемлемости сообщения¹⁹. Однако Комитет напоминает о своей давней юридической позиции, согласно которой при рассмотрении жалоб это определение делается с учетом времени рассмотрения сообщения²⁰. Комитет напоминает, что процессуальная экономия является мотивирующим фактором, учитывая, что сообщение, в отношении которого внутренние средства правовой защиты были исчерпаны после подачи, может быть немедленно повторно подано в Комитет, если оно объявлено неприемлемым по этой причине²¹. Комитет отмечает, что во всех случаях обе стороны имели возможность представить дополнительную информацию и утверждения, которые были переданы другой стороне для комментариев, что дало обеим сторонам возможность оспорить каждый новый факт и соответствующие утверждения.

7.5 В данном случае Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что с момента подачи своего сообщения автор постепенно использовал имеющиеся внутренние средства правовой защиты²². Однако Комитет отмечает, что автор предпринял все разумные попытки устранить предполагаемые нарушения на национальном уровне²³. Комитет также отмечает, что в отношении утверждений автора по пункту 1 статьи 14 Верховный федеральный суд уже отклонил к июню 2018 года его апелляции на отказ в рассмотрении всех четырех ходатайств с жалобой на предвзятость судьи Мору²⁴. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что его жалобы относятся к досудебным проблемам, которые не могут быть исправлены никакими апелляциями против вынесенного ему обвинительного приговора, упомянутыми государством-участником (см. пункт 2.2 выше). В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник не определило — и не назвало — другие эффективные и разумно доступные средства правовой защиты, которые автор предположительно должен был исчерпать на момент вынесения настоящего решения²⁵. Кроме того, учитывая истекшее время и несколько попыток автора добиться удовлетворения своих требований на национальном уровне, Комитет считает, что было бы неразумно ожидать, что автор будет заново использовать любые

¹⁹ Там же, п. 4.1.

²⁰ См., в частности, *Эль-Гертани против Боснии и Герцеговины* (CCPR/C/109/D/1955/2010), п. 9.3; *Сингх против Франции* (CCPR/C/102/D/1876/2009), п. 7.3; *Лемерсье и Лемерсье против Франции* (CCPR/C/86/D/1228/2003), п. 6.4; *Барой против Филиппин* (CCPR/C/79/D/1045/2002), п. 8.3; *Бахтияри и др. против Австралии* (CCPR/C/79/D/1069/2002), п. 8.2.

²¹ *Уината и др. против Австралии*, п. 8.2.

²² CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), п. 4.2.

²³ *Лемерсье и Лемерсье против Франции*, п. 6.4.

²⁴ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), пп. 2.6, 2.11 и 3.17.

²⁵ *Каташинский против Украины* (CCPR/C/123/D/2250/2013), п. 6.3. См. также *mutatis mutandis Рэндольф против Того* (CCPR/C/79/D/910/2000), п. 8.5; и Комитет по правам человека, *К.Ф. и др. против Канады*, сообщение № 113/1981, п. 6.2; *Мухонен против Финляндии*, сообщение № 89/1981, п. 6.1; и *Секейра против Уругвая*, сообщение № 6/1977, п. 9 б).

другие возможные гражданские или административные средства правовой защиты. Следовательно, пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению Комитетом данного сообщения.

7.6 Что касается того, утратило ли сообщение актуальность, Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что утверждения автора были подтверждены в судебных решениях, вынесенных Верховным федеральным судом в 2021 году, и что все решения по уголовному делу были отменены (см. пункт 5.1 выше). Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что решение Верховного федерального суда касалось только его требований, основанных на его праве на беспристрастный судебный процесс, что вынесение решения заняло слишком много времени, чтобы его можно было считать эффективным средством правовой защиты, и что оно не предусматривало никакой компенсации или реституции в той или иной форме (см. пункт 4.5 выше). Комитет отмечает, что, за исключением утверждений, касающихся права на беспристрастный судебный процесс, решения Верховного федерального суда не содержат прямых упоминаний предполагаемых нарушений прав автора, предусмотренных в Пакте. Комитет также отмечает, что государство-участник не продемонстрировало, почему эти решения были своевременными и эффективными, позволив избежать всех предполагаемых нарушений, на которые было обращено внимание Комитета, включая право на беспристрастный суд²⁶, или каким образом эти решения обеспечили автору полное возмещение, соразмерное всем предполагаемым нарушениям, таким образом, что сообщение можно было считать лишенным цели²⁷. Поэтому Комитет считает, что сообщение автора не утратило актуальности и ничто не мешает ему рассмотреть его по существу.

7.7 Что касается утверждений автора относительно предполагаемой угрозы бессрочного предварительного заключения в нарушение статьи 9 Пакта, то Комитет считает, что эти утверждения не были достаточно обоснованы для целей приемлемости, и объявляет их неприемлемыми в соответствии со статьей 2 Факультативного протокола.

7.8 В то же время Комитет считает, что автор достаточно обосновал для целей приемлемости свои остальные утверждения, касающиеся судебного ордера, прослушивания телефонов и придания огласке перехваченных разговоров, отсутствия беспристрастного суда, презумпции невиновности и права голосовать и быть избранным. Соответственно, Комитет объявляет сообщение приемлемым в части утверждений, касающихся статей 9 (пункт 1), 14 (пункты 1 и 2), 17 и 25 Пакта, и переходит к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с требованиями пункта 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет рассмотрел сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

а. Судебный ордер от 2 марта 2016 года

8.2 Что касается утверждения автора, касающегося пункта 1 статьи 9 Пакта, Комитет напоминает, что, согласно статье 9, никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом²⁸. Поэтому Комитет должен определить, подвергался ли автор лишению свободы и происходило ли такое лишение свободы в соответствии с требованиями закона²⁹.

²⁶ Mutatis mutandis *Брюэр-Кариас против Боливарианской Республики Венесуэлы* (CCPR/C/133/D/3003/2017), п. 9.8.

²⁷ Замечание общего порядка № 31 (2004) Комитета о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства — участники Пакта, п. 16.

²⁸ См. замечание общего порядка № 35 (2014) Комитета о свободе и личной неприкосновенности, п. 22.

²⁹ Там же, п. 14.

8.3 Комитет напоминает, что примерами лишения свободы являются содержание под стражей в полиции, помещение в закрытую зону аэропорта и принудительная транспортировка³⁰. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что принудительная транспортировка для допроса представляет собой лишение свободы³¹. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что судебный ордер должен был использоваться только в случае отказа автора проследовать за сотрудниками полиции³². Комитет отмечает, однако, что государство-участник не оспаривает, что в конкретном случае автора время, проведенное в пути, и время, проведенное на допросе вследствие выдачи судебного ордера, представляли собой лишение свободы по смыслу пункта 1 статьи 9 Пакта. Комитет отмечает, что, хотя автор технически согласился сопровождать сотрудников полиции к месту допроса, выдача судебного ордера означала, что он не мог ни отказаться от допроса, ни покинуть его, если бы захотел. Поэтому Комитет считает, что автор был лишен свободы в соответствии с пунктом 1 статьи 9, и в этой связи он должен определить, было ли лишение свободы осуществлено на основаниях и в соответствии с процедурой, предусмотренной законом.

8.4 Комитет напоминает, что, для того чтобы считаться установленными законом, любые материально-правовые основания для задержания или содержания под стражей должны быть определены с достаточной точностью, с тем чтобы не допускать слишком широкого или произвольного толкования или применения³³. Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что в свете статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса государства-участника судебный ордер может быть выдан только после того, как обвиняемый был вызван в суд и не явился или отказался явиться для дачи показаний, а в его деле эти предпосылки отсутствовали³⁴. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что данная мера была принята в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом и общими полномочиями судебного органа по принятию мер пресечения, которые на момент вынесения решения были признаны Верховным федеральным судом нормальными и конституционными³⁵. Однако Комитет отмечает, что, принимая решение по жалобе на предвзятость со стороны участвовавшего в расследовании судьи, Верховный федеральный суд счел выдачу судебного ордера преждевременной, поскольку автор не был предварительно вызван в суд, как того требует статья 260 Уголовно-процессуального кодекса (см. пункт 4.4 выше). Поэтому Комитет считает, что судебный ордер не был выдан в соответствии с процедурой, установленной внутренним законодательством государства-участника, и заявляет, что его выдача нарушила право автора на свободу, предусмотренное в пункте 1 статьи 9 Пакта.

- b. Придание огласке различных перехваченных телефонных разговоров и прослушивание телефонов адвокатов автора сообщения

8.5 Комитет принимает к сведению жалобы автора по статье 17 Пакта, касающиеся придания огласке различных перехваченных телефонных разговоров с членами его семьи, адвокатом и президентом³⁶ и прослушивания мобильного телефона одного из его адвокатов и телефонов в юридической фирме его адвокатов³⁷. В отношении придания огласке перехваченной информации Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что обнародование его различных телефонных разговоров с семьей, адвокатом и президентом, не имеющих никакого общественного значения, было осуществлено в нарушение статей 8 и 10 Закона № 9296/96 с целью публичного унижения и запугивания³⁸. Комитет также принимает к сведению аргумент

³⁰ Там же, п. 5.

³¹ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), п. 3.2.

³² Там же, п. 4.7.

³³ Замечание общего порядка Комитета № 35 (2014), п. 5.

³⁴ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), пп. 3.1–3.2.

³⁵ Там же, п. 4.5.

³⁶ Там же, пп. 3.3 и 3.6.

³⁷ Там же, п. 3.6.

³⁸ Там же, п. 3.3.

государства-участника о том, что мотивом для снятия конфиденциальности являлось предотвращение воспрепятствованию правосудия, а также заинтересованность общества в здоровом общественном контроле за деятельностью правительства и правосудия³⁹.

8.6 Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что прослушивание телефона его адвокатов нарушило конфиденциальный характер его отношений с ними в результате перехвата разговоров о стратегии его правовой защиты⁴⁰. Комитет также принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что телефонный номер юридической фирмы был зарегистрирован на имя компании, принадлежащей автору, что, как только стало известно, что номер принадлежит третьим лицам, Федеральный региональный суд постановил, что эти доказательства не должны использоваться ни для каких целей, и что не существует никаких записей перехваченных разговоров адвокатов, кроме г-на Тейшейры, или разговоров, содержание которых связано с правом на защиту⁴¹. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что телефонные разговоры г-на Тейшейры прослушивались, поскольку он находился под следствием в связи с предполагаемым преступлением отмывания денег, и что он не был указан в качестве одного из адвокатов автора⁴². Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что, хотя государство-участник утверждает, что записи телефонных разговоров никогда не использовались и были впоследствии уничтожены, это не исключает возможность того, что стратегия защиты автора внимательно отслеживалась судебными органами (см. пункт 2.7 выше). Комитет также принимает к сведению аргументы автора о том, что в то время, когда происходило прослушивание телефонных разговоров, в отношении г-на Тейшейры не проводилось официального расследования и что, хотя одно из ходатайств, в котором оспаривалась выдача ордера на обыск автора, было подано не г-ном Тейшейрой, он подписал все другие поданные ходатайства и было хорошо известно, что он является адвокатом автора (см. пункт 2.8 выше).

8.7 Комитет отмечает, что и прослушивание телефонных разговоров, и придание огласке перехваченных телефонных разговоров представляют собой вмешательство в частную жизнь и это не оспаривается государством-участником⁴³. Комитет напоминает, что для того, чтобы быть допустимым в соответствии со статьей 17 Пакта, любое вмешательство в право на частную жизнь не должно быть произвольным или незаконным⁴⁴. Оно должно в совокупности отвечать нескольким условиям, изложенным в пункте 1 статьи 17, т. е. должно быть предусмотрено законом, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах дела⁴⁵. Комитет напоминает, что в соответствующем законодательстве, разрешающем вмешательство в чью-либо коммуникацию, должны быть подробно указаны точные обстоятельства, при которых такое вмешательство может быть разрешено, и что решение о разрешении такого вмешательства может быть принято только органом, определенным законом, с учетом обстоятельств каждого конкретного дела⁴⁶. Комитет также напоминает, что, признавая важность защиты конфиденциальности коммуникации, в частности коммуникации между адвокатом и клиентом, он должен также учитывать необходимость принятия государствами-участниками эффективных мер по предупреждению и расследованию уголовных преступлений⁴⁷, в частности связанных с актами коррупции⁴⁸.

³⁹ Там же, п. 4.10.

⁴⁰ Там же, п. 3.6.

⁴¹ Там же, п. 4.12.

⁴² Там же, п. 4.13.

⁴³ См. замечание общего порядка № 16 (1988) Комитета о праве на личную жизнь, п. 8.

⁴⁴ Там же, пп. 3–4; и *Ван Хюлст против Нидерландов* (CCPR/C/82/D/903/1999), п. 7.3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Замечание общего порядка Комитета № 16 (1988), п. 8, и *Ван Хюлст против Нидерландов*, п. 7.7.

⁴⁷ *Ван Хюлст против Нидерландов*, п. 7.6.

⁴⁸ *Ариас Лейва против Колумбии* (CCPR/C/123/D/2537/2015), п. 11.7.

8.8 В свете анализа Межамериканского суда по правам человека Комитет считает, что Закон № 9296/96 соответствует стандарту законности, требуемому статьей 17 Конвенции⁴⁹. Комитет отмечает, в частности, что статья 10 Закона № 9296/96 запрещает отмену судебной тайны «без судебного разрешения или в целях, не разрешенных законом», включая в эту норму понятие произвола. В случае автора Комитет отмечает, что как придание огласке различных перехваченных телефонных разговоров, так и прослушивание телефонов г-на Тейшейры и его юридической фирмы осуществлялись на основе мотивированного решения судьи, участвовавшего в деле. Однако Комитет также отмечает, что разговоры с президентом были перехвачены незаконно, что неоднократно признавалось Верховным федеральным судом⁵⁰ (см. также пункт 4.4 выше). Комитет считает, что незаконность прослушивания телефонного разговора также делает придание его огласке «незаконным» по смыслу пункта 1 статьи 17. Комитет отмечает, что Верховный федеральный суд охарактеризовал придание огласке всех перехваченных разговоров, включая те, в которых участвовали члены семьи автора и его адвокат, как «манипулятивно избирательное», и пришел к выводу, что прослушивание телефонов юридической фирмы и г-на Тейшейры было проведено «с целью отслеживания и предвосхищения стратегии защиты», представляя собой «грубое нарушение конституционного права [автора] на полноценную защиту» (см. пункт 4.4 выше). Комитет считает, что время и способ прослушивания телефонов г-на Тейшейры и его юридической фирмы, а также придание огласке всех перехваченных таким образом разговоров свидетельствуют о скрытых целях, которые являются «недозволенными по закону» в соответствии со статьей 10 Закона № 9296/96 и, следовательно, произвольными. Комитет считает, что вышеупомянутые перехваты разговоров и их придание огласке были незаконными и произвольными, и объявляет их нарушением статьи 17 Пакта.

с. Отсутствие беспристрастного суда

8.9 Что касается утверждений автора по пункту 1 статьи 14, Комитет напоминает о своей давней юридической практике, согласно которой право быть судимым независимым и беспристрастным судом является абсолютным правом, не допускающим никаких исключений⁵¹. Комитет также напоминает, что это право является гарантией, которая в равной степени применяется к судьям надзорной инстанции на предварительных стадиях разбирательства⁵². Комитет далее напоминает, что требование беспристрастности имеет субъективный элемент и объективный элемент⁵³. В первом случае судьи не должны допускать, чтобы их решения принимались под воздействием личной заинтересованности в исходе дела или предубеждения, и не испытывать предвзятости в отношении рассматриваемого ими конкретного дела и не действовать таким образом, чтобы это неоправданно отвечало интересам одной из сторон в ущерб для другой стороны⁵⁴. Во втором случае суд также должен казаться беспристрастным разумному наблюдателю⁵⁵, т. е. судьи должны быть не только беспристрастными, но и восприниматься как беспристрастные, и необходимо определить, существуют ли, помимо личных мировоззрений судей, поддающиеся установлению объективные факты, которые могут вызвать сомнения в их беспристрастности⁵⁶. Комитет напоминает, что в отсутствие доказательств противного должна презюмироваться беспристрастность судьи⁵⁷ и что о предвзятости

⁴⁹ Inter-American Court of Human Rights, *Escher v. Brazil*, judgment of 6 July 2009, paras. 130–132.

⁵⁰ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), п. 2.6.

⁵¹ Замечание общего порядка Комитета № 32 (2007), п. 19; *Гонсалес дель Рио против Перу* ([CCPR/C/46/D/263/1987](#)), п. 5.2.

⁵² *Брюэр-Кариас против Боливарианской Республики Венесуэлы*, п. 9.2.

⁵³ *Йенни против Австрии* ([CCPR/C/93/D/1437/2005](#)), п. 9.3.

⁵⁴ Замечание общего порядка Комитета № 32 (2007), п. 21.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Лагунас Кастедо против Испании* ([CCPR/C/94/D/1122/2002](#)), п. 9.7.

⁵⁷ *Йенни против Австрии*, п. 9.4.

могут свидетельствовать различные нарушения статьи 14 в действиях участвующего в деле судьи⁵⁸.

8.10 В деле автора Комитет отмечает, что Верховный федеральный суд установил семь фактов, свидетельствующих о субъективной предвзятости судьи Мору (см. пункт 4.4 выше). Комитет отмечает, что из семи фактов, установленных Верховным федеральным судом, первые шесть имели место до выборов, и пять из них представляли собой нарушения *prima facie* статьи 14 (см. пункт 4.4 а)–е) выше), а первые три имели место до того, как автор подал свое сообщение в Комитет. Комитет считает, что для разумного наблюдателя факты⁵⁹, имевшие место даже до первого осуждения автора в 2017 году, свидетельствовали о том, что объективный элемент требования беспристрастности не был выполнен. Комитет отмечает, что своевременное решение по данному вопросу позволило бы избежать причиненного автору вреда, который включал вынесение обвинительного приговора, подтверждение обвинительного приговора, лишение права участвовать в выборах и 580 дней неправомерного тюремного заключения. Таким образом, Комитет заявляет, что государство-участник нарушило право автора на беспристрастный суд, предусмотренное в пункте 1 статьи 14 Пакта.

d. Презумпция невиновности

8.11 Применительно к утверждениям автора, касающимся пункта 2 статьи 14 Пакта, Комитет напоминает свою юридическую практику, отраженную в замечании общего порядка № 32 (220), согласно которой презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, возлагает обязанность доказывания на обвинение, гарантирует, что никакая вина не может быть презюмирована до тех пор, пока виновность не была доказана вне всяких разумных сомнений, обеспечивает, чтобы сомнения толковались в пользу обвиняемого и требует, чтобы с лицами, которым предъявляются обвинения в совершении уголовного деяния, обращались в соответствии с этим принципом⁶⁰. Кроме того, все государственные органы власти обязаны воздерживаться от предрешения исхода судебного разбирательства, например воздерживаясь от публичных заявлений, в которых говорится о виновности обвиняемого, и что средства массовой информации должны избегать такого освещения событий, которое подрывает презумпцию невиновности⁶¹.

8.12 В этой связи Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что против него велась яростная кампания в СМИ, якобы спровоцированная действиями судьи Мору, которая порождала ожидание того, что он будет признан виновным в коррупции⁶². Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что федеральные прокуроры неоднократно делали публичные заявления, подтверждая его вину⁶³. С другой стороны, Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что информирование общественности об обвинениях в коррупции, выдвинутых против автора, техническим способом согласуется с правом на информацию и принципом прозрачности⁶⁴. Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что надлежащее поведение прокуроров при выполнении своих функций неоднократно отмечалось судьей Мору, другими судьями первой и

⁵⁸ См., например, *Хостикоев против Таджикистана* (CCPR/C/97/D/1519/2006), пп. 7.2–7.3; и *Саидова против Таджикистана*, п. 6.7.

⁵⁹ Замечание общего порядка Комитета № 32 (2007), п. 21.

⁶⁰ Там же, п. 30.

⁶¹ Замечание общего порядка Комитета № 32 (2007), п. 30; и см., например, *Гридин против Российской Федерации* (CCPR/C/69/D/770/1997), п. 8.3; *Энго против Камеруна* (CCPR/C/96/D/1397/2005), п. 7.6; *Мвамба против Замбии* (CCPR/C/98/D/1520/2006), п. 6.5; *Ковалева и др. против Беларуси* (CCPR/C/106/D/2120/2011), п. 11.4; и *Козулин против Беларуси* (CCPR/C/112/D/1773/2008), п. 9.8.

⁶² CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), пп. 3.10–3.11.

⁶³ Там же, п. 3.12.

⁶⁴ Там же, п. 4.23.

второй инстанций и административными органами обвинения⁶⁵. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что между независимостью судебной власти, свободой слова и общим правом на информацию во внутренней правовой системе был достигнут баланс и что дело было рассмотрено с учетом необходимой подотчетности перед обществом и ограничений, обусловленных принципами равенства, беспристрастности и высокими этическими стандартами деятельности судей и прокуроров (см. пункт 3.5 выше).

8.13 Комитет считает, что государство-участник имеет законный интерес бороться с актами коррупции и информировать свое население по вопросам общественной значимости, связанным с такими актами⁶⁶. Комитет отмечает, что вряд ли найдется вопрос, представляющий более острый общественный интерес, чем вопрос о бывшем президенте, обвиняемом в коррупционных деяниях, которые предположительно имели место во время его президентского срока, и продолжающем принимать активное участие в общественной жизни — от назначения на должность руководителя аппарата кабинета министров в 2016 году до повторного выдвижения своей кандидатуры на высший пост в 2018 году. В то же время Комитет отмечает, что, как постановил Верховный федеральный суд, действия судьи Мору породили презумпцию виновности и общее ожидание того, что автор должен быть и будет признан виновным (см. пункт 4.4 выше). Среди этих действий — выдача преждевременного судебного ордера в нарушение внутреннего законодательства, что привлекло общественное внимание к автору, ущемив его достоинство и его право на презумпцию невиновности, и «манипулятивно избирательное» приращение общественной огласке перехваченных телефонных разговоров, причем все эти действия имели место задолго до суда над автором (там же). Комитет считает, что эти действия и их результат нарушили право автора на презумпцию невиновности, защищаемое пунктом 2 статьи 14 Пакта.

8.14 В связи с различными публичными заявлениями прокуроров о виновности автора Комитет отмечает, что характер роли прокурора заключается в том, чтобы обвинить подсудимого в совершении преступления и доказать его вину вне разумных сомнений. Это, наряду с принципами прозрачности и права на информацию, неизбежно влечет за собой то, что прокуроры занимают публичную позицию в отношении виновности подсудимого. Однако они также должны воздерживаться от публичных заявлений, которые неоспоримо подтверждают вину подсудимого, и принимать меры предосторожности, с тем чтобы не порождать ожиданий того, что он будет признан виновным⁶⁷. В деле автора, хотя государство-участник оспаривает утверждения автора и характеризует публичные заявления прокуроров как «технические объяснения»⁶⁸, в свете имеющихся в деле доказательств государство-участник не продемонстрировало, почему такие заявления высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов не были равнозначны публичному подтверждению вины автора⁶⁹. Комитет считает, что органы прокуратуры не проявили необходимой сдержанности, которую требует от них принцип презумпции невиновности, и поэтому нарушили права автора, предусмотренные пунктом 2 статьи 14 Пакта.

е. Право голосовать и быть избранным

8.15 В отношении утверждений автора по статье 25 Пакта Комитет напоминает, что Пакт признает и защищает права каждого гражданина принимать участие в ведении государственных дел, голосовать и быть избранным, а также иметь доступ к государственной службе. Вне зависимости от типа конституции или формы правления осуществление этих прав гражданами может быть приостановлено или отменено только по установленным законом объективным и обоснованным причинам⁷⁰. Комитет

⁶⁵ Там же, пп. 4.24–4.25.

⁶⁶ *Ариас Лейва против Колумбии*, п. 11.7.

⁶⁷ См., например, *Гридин против Российской Федерации*, п. 8.3.

⁶⁸ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), п. 4.23.

⁶⁹ Например, там же, пп. 2.8 и 3.12.

⁷⁰ Замечание общего порядка № 25 (1996) Комитета об участии в ведении государственных дел и праве голосовать, пп. 3–4.

также напоминает, что если основанием для лишения права голоса или права избираться на государственный пост является осуждение за совершенное преступление, то такое ограничение должно быть соразмерно тяжести преступления и вынесенному приговору⁷¹. Кроме того, Комитет напоминает, что в тех случаях, когда такое осуждение носит явно произвольный характер, стало результатом очевидной ошибки или равносильно отказу в правосудии, или если судебное разбирательство нарушает право на надлежащую правовую процедуру, это может придать этому ограничению прав, закрепленных в статье 25, произвольный характер⁷². В этой связи Комитет напоминает, что борьба с проявлениями коррупции, охрана государственных средств и, следовательно, общественных интересов в целях сохранения демократического порядка является законной целью государств-участников⁷³. Поэтому государство-участник может иметь законный интерес в ограничении права занимать государственные должности для лиц, осужденных за коррупционные преступления⁷⁴.

8.16 Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что он был лишен права выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах и голосовать на основании закона, несовместимого с правом на презумпцию невиновности (Дополнительный закон № 135/2020, также известный как Закон о «чистом листе»), и в результате уголовного разбирательства, в ходе которого не была соблюдена надлежащая процедура⁷⁵. Комитет также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что право автора быть избранным было ограничено только в период действия его уголовного приговора (см. пункт 5.3 выше) на основе объективных и разумных критериев, установленных законом, обладающим достаточной демократической легитимностью⁷⁶. Комитет далее принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что ограничение права автора на голосование было результатом законных, объективных и разумных ограничений⁷⁷.

8.17 В случае автора Комитет отмечает, что он уже пришел к выводу о том, что уголовное разбирательство против автора и его последующее осуждение нарушили гарантии надлежащей правовой процедуры, предусмотренные в статье 14 Пакта. Поэтому Комитет считает, что последующий запрет автору выдвигать свою кандидатуру на выборах, а также ограничение его права голоса представляли собой нарушение пункта b) статьи 25. Придя к такому выводу, Комитет не считает необходимым анализировать отдельно вопрос о совместимости Закона о «чистом листе» или ограничений права голоса, предусмотренных в Избирательном кодексе государства-участника и последующих нормативных актах, с пунктом b) статьи 25 Пакта или их конкретное применение к делу автора.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к заключению, что представленные на его рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении статей 9 (пункт 1), 14 (пункты 1 и 2), 17 и 25 (пункт b)) Пакта. Комитет также считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 1 Факультативного протокола к Пакту.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Оно обязано полностью возместить ущерб лицам, чьи права, закрепленные в Пакте, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, обеспечить, чтобы уголовное разбирательство в отношении автора соответствовало всем гарантиям надлежащей правовой процедуры, изложенным в статье 14 Пакта. Государство-

⁷¹ Там же, п. 14; и *Диссанаяке против Шри-Ланки* (CCPR/C/93/D/1373/2005), п. 8.5.

⁷² *Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла* (CCPR/C/119/D/2481/2014), п. 7.12; и *Нашид против Мальдивских Островов* (CCPR/C/122/D/2270/2013 и CCPR/C/122/D/2851/2016), п. 8.6.

⁷³ *Ариас Лейва против Колумбии*, п. 11.7.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), п. 3.13.

⁷⁶ Там же, пп. 4.26–4.28.

⁷⁷ Там же, п. 4.29.

участник также обязано принять все необходимые меры для предотвращения подобных нарушений в будущем.

11. Учитывая, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечить эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о принятых мерах по осуществлению настоящих соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать соображения и обеспечить их перевод на официальный язык государства-участника и их широкое распространение.

Annex I***Individual opinion by Committee member Duncan Laki Muhumuza (concurring)**

1. The right to be tried by an independent and impartial tribunal is an absolute right that may suffer no exception, as encapsulated under article 14 (1) of the Covenant and the jurisprudence of the Committee.
2. Judges must not allow their judgment to be influenced by personal bias or prejudice, nor harbour preconceptions about the case before them, nor act in ways that improperly promote the interests of one of the parties to the detriment of the other.
3. The tribunal and judges thereon must also appear to a reasonable observer to be impartial. Judges must not only be impartial; they must also be seen to be impartial.
4. While agreeing with the majority view that Judge of the Thirteenth Federal Criminal Court of Curitiba, Sérgio Moro, was subjectively partial in carrying out his judicial duties regarding the author, and that the objective element requiring impartiality was not met, I have some additional observations to add. Under article 14 (1) of the Covenant, all persons are entitled to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial tribunal established by law.
5. It is my carefully considered view that Judge Moro's involvement in this process was calculated to produce a specific result. Indeed, his overall conduct during and after the election was inconsistent with the required impartiality and led to irreparable harm. The author was effectively impaired from participating in the political process, thereby violating his rights under article 25 of the Covenant. What is particularly worrisome is that Judge Moro's conduct appears to have been condoned by the State. His actions seem to have been further validated by the State, which appointed him as Minister of Justice.
6. Judge Moro was biased, and his conduct and subsequent acceptance of the ministerial position points to this observation. His judgment should never have been relied upon, because ultimately it rendered the author unable to pursue his right to participate in the political affairs of the country. It was also known that, by the time the author had exhausted the appeals from the flawed judgment, it would be too late for him to engage in the elections.
7. The Committee must entreat States parties to refrain from unduly utilizing systems in violation of due process guarantees. States cannot engage judicial institutions and other coercive agencies to deny an individual his or her rights.

* Circulated in the language of submission only.

Annex II*

Joint opinion by Committee members José Manuel Santos Pais and Kobauyah Tchamdja Kaptcha (dissenting)

1. We regret not being able to join the majority of the Committee, which concluded by finding a violation of several of the author's rights. We consider that the communication should have been declared inadmissible. Were it to be admitted, we would find that only article 14 (2) of the Covenant was violated.

2. The author, a former President of Brazil, was investigated in the context of two criminal cases related to Operation Car Wash opened within the federal jurisdiction of the state of Paraná, where the acting judge at the Thirteenth Federal Criminal Court of Curitiba was Sérgio Moro. Operation Car Wash uncovered a major corruption scheme involving Petrobras, major construction companies and various parties receiving secret campaign funds.¹

3. The author began to be investigated in February 2016.² Having submitted his complaint to the Committee in July 2016, it is clear that the conditions contained in article 5 (2) (b) of the Optional Protocol were not met at the time. The same applies to the author's successive submissions since, throughout the criminal proceedings, given that he continued to use all available remedies for his defence. They were never exhausted³ and proved to be effective, given that, in the judgments issued in 2021 by the Supreme Federal Court, the Court accepted and addressed author's arguments.⁴ We fail to accept the justification for admitting the communication,⁵ particularly given that the case law cited⁶ hardly matches the facts in the present case. Moreover, such justification will allow any author to invoke before the Committee breaches of their rights to defence while domestic appeals are still pending.

4. Regarding the issue of the bench warrant, the author was to accompany the police to Congonhas Airport, where he was held for six hours. However, he himself recognizes that the airport became the scene for demonstrations and counter-demonstrations.⁷ This seems to confirm the reasonableness of Judge Moro's use of articles 201, 218, 260 and 278 of the Code of Criminal Procedure, on which he based the bench warrant, allowing the judge to have the defendant come to his presence even if the latter were not willing to do so. In spite of the author's allegations that he did not want to obstruct justice, circumstances at the time seem to imply otherwise. In fact, the author and his wife were to be deposed, and he filed a writ of habeas corpus arguing that the investigative act would generate a great risk of protests and conflict. Protests indeed took place in the area surrounding the courthouse.⁸ An intercepted call showed that the author had knowledge of the scheduled search and seizure and contemplated "assembling some congressmen to surprise them". Steps were therefore taken to avoid risks to both the author and security officers' moral and physical integrity, and the court asserted that the order was only to be used in case the author refused to accompany the police.⁹ The measure was further in compliance with the Code of Criminal Procedure and the judicial authority's general power to grant precautionary measures that was at the time

* Circulated in the language of submission only.

¹ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), paras. 2.1–2.2. Operation Car Wash involved 175 detentions and 120 convictions. With regard to Judge Moro's decisions, sanctions were upheld or increased on appeal in 71 per cent of cases.

² [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), para. 2.3.

³ *Ibid.*, paras. 4.1–4.3.

⁴ *Ibid.*, paras. 4.3–4.4.

⁵ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Final proceedings\)](#), paras. 7.4–7.5.

⁶ Namely, *Al-Gertani v. Bosnia and Herzegovina* ([CCPR/C/109/D/1955/2010](#)), para. 9.3; *Singh v. France* ([CCPR/C/102/D/1876/2009](#)), para. 7.3; *Lemercier and Lemercier v. France* ([CCPR/C/86/D/1228/2003](#)), para. 6.4; *Baroy v. Philippines* ([CCPR/C/79/D/1045/2002](#)), para. 8.3; *Bakhtiyari et al. v. Australia* ([CCPR/C/79/D/1069/2002](#)), para. 8.2.

⁷ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), para. 2.4.

⁸ *Ibid.*, para. 4.6.

⁹ *Ibid.*, paras. 4.7–4.8.

considered constitutional by the Supreme Federal Court.¹⁰ We therefore fail to see a violation of article 9 (1) of the Covenant, the measure being neither arbitrary nor disproportionate.

5. While acknowledging the importance of protecting the confidentiality of communications, in particular those between lawyer and client, States parties need also to take effective measures for the prevention and investigation of criminal offences, in particular acts of corruption. In the present case, decisions on all telephone taps requested by the Office of the Federal Prosecutor were substantiated and in line with domestic law.¹¹ Subsequent judicial decisions even extended and expanded those measures. The lifting of the confidentiality of the call with then President of Brazil, Dilma Rousseff, was motivated and carried out to defend the public interest, given that it related to the appointment of the author, who was at the time under criminal investigation, as Chief of Staff. The tapping took place two hours and 20 minutes after Judge Moro had ordered an end to the telephone tapping.¹² However, such delay is understandable, given that the notice was conveyed to the Office of the Federal Prosecutor and then had to be transmitted to the unit performing the tapping, which justifies the delay. Moreover, the author's appointment as Chief of Staff had already been announced to the public by the Office of the President.¹³ The Supreme Federal Court later overturned Judge Moro's decision and invalidated the tapping of the communication.¹⁴

6. The telephone number of the law firm whose communications were intercepted was registered in the name of a company belonging to the author. Once it was known that the number belonged to third parties, the Federal Regional Court decided that the evidence was not to be used and audio recordings were destroyed, as the author himself acknowledges.¹⁵ There are no records of the intercepted conversations of lawyers other than Roberto Teixeira, one of the author's lawyers, nor conversations with content related to the right of defence.¹⁶ Mr. Teixeira's telephone was tapped, because he was being investigated for money-laundering crimes and was not listed as the author's defence attorney.¹⁷ We therefore fail to see a violation of article 17 of the Covenant.

7. The majority considered, following the reasoning of the Supreme Federal Court, that Judge Moro was subjectively partial and that the objective element of impartiality was not met.¹⁸ However, most of Judge Moro's decisions in Operation Car Wash (95.2 per cent) were upheld on appeal by superior courts in successive judgments.¹⁹ The author was convicted in July 2017 for corruption and money-laundering and sentenced to 9 years' imprisonment. In January 2018, the conviction was confirmed by the Federal Regional Court and the sentence increased to 12 years and one month's imprisonment.²⁰ In another judgment, of February 2019, the author was sentenced to 12 years and 11 months' imprisonment.²¹ Successive judicial decisions therefore confirmed the author's convictions. The Supreme Federal Court, in April 2018, stated further that there was no bar to the author's imprisonment, despite the fact that his appeal was still pending.²² An arrest warrant was subsequently issued and the author taken into custody to serve his sentence. A writ of habeas corpus was later dismissed by the Federal Regional Court,²³ thereby confirming the lawfulness of the author's imprisonment. In November 2019, however, the Supreme Federal Court changed its case law and considered that, under article 283 of the Code of Criminal Procedure, defendants could not be imprisoned until their conviction was final. In consequence, the author was freed the

¹⁰ Ibid., para. 4.5.

¹¹ Ibid., para. 4.10.

¹² Ibid., para. 2.5.

¹³ Ibid., para. 3.4.

¹⁴ Ibid., para. 4.11.

¹⁵ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Final proceedings\)](#), para. 2.7.

¹⁶ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), para. 4.12.

¹⁷ Ibid., para. 4.13.

¹⁸ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Final proceedings\)](#), para. 8.10.

¹⁹ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), paras. 2.9–2.13.

²⁰ Ibid., para. 2.11.

²¹ [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Final proceedings\)](#), para. 4.3.

²² [CCPR/C/134/D/2841/2016 \(Initial proceedings\)](#), para. 2.12.

²³ Ibid., para. 2.14.

next day, on 8 November.²⁴ Notwithstanding that decision, the author was lawfully imprisoned, in April 2018, as per the applicable law and case law in force at the time.

8. In the decisions issued in 2021, the Supreme Federal Court addressed two writs of habeas corpus. In the decision of 8 March, it considered that the convictions of the author had been rendered without jurisdiction and were therefore vacated.²⁵ In the decision of 23 March, it declared that Judge Moro had been biased. Instead of just analysing the question of illegal detention, both decisions went far beyond their scope. The latter decision is particularly illustrative of what can be seen as a political settling of accounts, referring, namely, to the fact that Judge Moro became Minister of Justice a year and a half after the author's first conviction, therefore concluding that he directly benefited from such conviction and imprisonment.²⁶ The decision failed, however, to also mention that Judge Moro had resigned from Government, in April 2020, when the Director General of the Federal Police was removed from office by current President of Brazil, Jair Messias Bolsonaro, in an attempt to hamper criminal investigations concerning family members of the President himself.

9. The Committee has time and again referred to its view that judges should be exempted from undue influence from the President, the legislature or the Executive. However, the justices of the State party's Supreme Federal Court are all appointed by the President (four were appointed by Ms. Rousseff, three by the author and two by Mr. Bolsonaro), which may explain the voting of the justices in the decisions issued in 2021. We would therefore not have concluded that there had been a violation of article 14 (1) of the Covenant, accepting the State party's arguments in this regard,²⁷ and we fear for the chilling effect that the present decision will have on the fight against corruption.

10. Regarding the violation of the right to vote and to be elected, we consider that the author did not suffer irreparable harm by being prevented from standing for election in 2018, given that he is now standing as a candidate in the upcoming presidential election to be held in 2022. The Superior Electoral Court rejected, in September 2018, the author's candidacy for the presidency on the basis of the Clean Slate Law, promulgated by the author himself while President. The law, derived from the people's initiative, was passed by an absolute majority of the National Congress.²⁸ According to article 1 (e) (1) of the law, citizens are ineligible to hold any public office for eight years if they have been convicted of crimes such as money-laundering and crimes against the public administration, in virtue of a criminal sentence subject to *res judicata* or rendered by a collective judicial body, which was the author's case. In 2012, the Supreme Federal Court ruled that the law was in compliance with the Constitution.

11. In our view, preventing the author from standing as a candidate in the presidential election of 2018 was legal, objective and reasonable.²⁹ The author had been convicted in July 2017 for corruption and money-laundering, a decision confirmed on appeal in January 2018. To allow him to stand as a candidate in such circumstances would have been incomprehensible to any reasonable observer.

12. Therefore, we consider that there were compelling and justifiable reasons to prevent the author from standing as a candidate in the presidential election in 2018 and would therefore not have found a violation of article 25 of the Covenant.

²⁴ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Final proceedings), para. 4.2.

²⁵ Ibid., para. 4.3.

²⁶ Ibid., para. 4.4.

²⁷ CCPR/C/134/D/2841/2016 (Initial proceedings), paras. 4.14–4.18.

²⁸ Ibid., para. 4.27.

²⁹ Ibid., para. 4.29.